
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 10(86), 2022 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2022

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225-8922

Журнал включен
в Перечень ВАК РФ

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,
к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛОХИН Владимир Владимирович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВАНКОВСКА Билиана	профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГТУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГТУ (Россия, г. Москва)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ЖИЛЫЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИБОКАПИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орденбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСЕНВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлонии (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГТУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
РУБАН Лариса Семёновна	д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОПЕРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)

Кетягин Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

Учрежден

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77-46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory
Пятилетний
импакт-фактор журнала: 0, 376

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение 1, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.
Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 26.10.2022

Формат 60×84/8. Объем 50,5

Печать офсетная.

Тираж – 1000 экз.

(1-й завод – 500 экз.)

Заказ № 736

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»

115054, г. Москва, ул. Щипок, 28

Тел.: (495) 651-84-56

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Фурман Ф.П., Красильников С.В.

Глобализм и мультикультурность, их кризис 3208

Чемшиш Д.А. Политическая модернизация

как объект научного исследования 3220

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Рязанцев С.В., Брагин А.Д.

Трансформация мотивов и трендов эмиграции россиян 3238

Шакур Е.Н.

Зарубежные исследования молодежи и студенчества:

краткий обзор формата и содержания 3249

Мирошников В.С.

Экстремизм и терроризм в современном обществе 3260

Ахпателов Б.Р., Давыдов Д.Р.

Представительство интересов общественных групп

в Российской Федерации 3270

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Мадюкова С.А.

Региональные особенности института

национальной политики в Республике Тыва 3276

Галиева С.И., Галиева Г.М.

Место профилактики преступности

в российском политическом пространстве

через призму посланий Президента РФ 3287

Емельянов А.И., Белова Л.Г.

Участие высококвалифицированных специалистов

в политическом информировании через интернет-пространство

в условиях информационного противоборства 3294

Волков А.В.

Воин света: информационная война

против фигуристки Камилы Валиевой

как символа народного объединения: политический аспект 3305

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Магадиев М.Ф.

Основные вопросы государственного управления в России
в области международного сотрудничества
в контексте проведения Специальной военной операции
на Украине 3323

Чепелюк С.Г.

Цифровое правительство как фактор развития
взаимодействия государства и бизнеса 3333

Самусева О.А.

Научно-технологическое направление
как приоритетное в развитии 3341

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Джуракулов Ф.Н.

Реформа на принципе разделения государственной власти
и равновесия в Республике Узбекистан 3349

Родионова М.Е., Гималиев В.Г., Назарова Н.А.

Электоральные предпочтения населения Италии
накануне парламентских выборов 2022 г. 3358

Невмержицкий А.Л., Новоселов С.В., Хачатрян Д.А.

Политические процессы: вектор
на международное сотрудничество или противостояние 3373

Гузаеров Р.И.

Дипломатические отношения Турции
и Саудовской Аравии в 2015-2022 гг. 3380

Нечай А.А.

Шанхайская организация сотрудничества:
внутренние и внешние вызовы 3392

Козырева М.С.

От НАФТА к ЮСМКА: выгоды и потери участников 3403

Капустин А.С.

Сравнительный анализ медиа центров международной
террористической организации ДАИШ (запрещена в РФ) 3413

Ван Цунюэ

Влияние четвертой промышленной революции
на конфигурацию международной системы 3422

Гао Дай

Анализ основных проблем древней
китайской антикоррупционной системы 3431

Герлиц Г.

Система экономических связей России и Германии
в контексте их политического обеспечения..... 3444

Гу Сяоянь

Исследование китайской помощи в вопросах развития
в Юго-Восточной Азии 3453

Лиджиева К.Н.

Стратегия «глобальной Кореи» как фундамент политики
«средней державы» 3461

Лукин А.Д.

Арктическая дипломатия как разновидность
региональной дипломатии и особый вид
государственной политики в Арктике..... 3467

Лю Цзя, Ван Чжаосюй, Юэ Сыци

Влияние СМИ на формирование имиджа государства
(сравнительный анализ Китая и России) 3482

Матяшова Д.О., Михалевич Е.А.

Внутри- и межгосударственные конфликты и агрессивные
негосударственные акторы в Северо-Восточной Азии 3493

Телегин Д.С.

Роль арктического региона
в формировании проекта «Большая Евразия»..... 3503

Хорбаладзе Э.К.

US Indo-Pacific Strategy: Main Dimesnsions and Implications
for Russia/Индо-Тихоокеанская стратегия США:
основные положения и последствия для России 3509

Чу Чэнчэн

Гуманитарная политика КНР и США
в Центральной Азии в сфере образования 3519

Тимахов К.В.

NEOM: Transformation Project of Kingdom of Saudi Arabia/NEOM:
проект преобразования Королевства Саудовская Аравия 3530

Омонов Р.Р.

Опыт применения информационных технологий
в государственном управлении США и стран Западной Европы
и их влияние на модернизацию системы власти..... 3536

Аман С.

Современные вызовы и угрозы безопасности
для стран Центральной Азии 3544

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Мясников Д.С., Манапов С.Ш., Симакова В.К.

Сущность либеральной олигархии как проекта
эффективного политического устройства государства..... 3554

Костина А.Д., Ильинская К.Р., Пахмутов Н.Д.

Благоприятные прогнозы и «проблемные»
аспекты инициативы КНР «Один пояс – один путь» 3561

Баканина Д.А., Баранова Ю.В., Леонова А.А.

Экологическая повестка как средство реализации
научной дипломатии стран Запада и Российской Федерации
в арктическом регионе..... 3568

Никитина А.А.

Роль массовой коммуникации
в динамике взаимоотношений США и России 3577

НАШИ АВТОРЫ 3584

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 3593

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ 3595

Д.А. ЧЕМШИТ

кандидат политических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института Севастопольского государственного
университета, Россия, г. Севастополь

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье раскрыты основные научные подходы к пониманию процессов политической модернизации. На основе анализа подходов устанавливаются этапы эволюции теорий модернизации. Особое значение придается типологизации модернизационных процессов. В общепринятом – академическом плане политическая модернизация характеризуется либо как оригинальная – органическая, либо как догоняющая – неорганическая. В уточненном – авторском стиле рассматриваются три типа политической модернизации: эндогенная, т.е. проводимая на собственной основе; эндогенно-экзогенная, протекающая в форме комбинации собственного опыта и внешнего заимствования; экзогенная – осуществляемая на базе заимствований при отсутствии собственной основы.

Ключевые слова: политическая модернизация, органическая модернизация, неорганическая модернизация, эндогенная модернизация, эндогенно-экзогенная модернизация, экзогенная модернизация.

Современные концепции модернизации являются одним из наиболее значимых направлений изучения политических процессов. В течение второй половины XX в. развитие данных концепций осуществлялось в основном усилиями зарубежных ученых. Однако после 1991 г. вопросы политической модернизации получили отражение и в работах отечественных исследователей. За более чем полувековой период было создано ряд теорий модернизации, которые уточнялись, подвергались критике и корректировке по мере соотношения их с реальными политическими процессами, протекающих в различных политических системах. Таким образом, теории политической модернизации прошли определенную эволюцию в своем развитии, что, в свою очередь, создает основания для детального анализа их особенностей на разных этапах становления.

Термин «модернизация» в переводе с английского означает осовременивание и обозначается наличием ряда характеристик, присущих современному обществу. Данное понятие неоднократно конкретизировалось учеными на разных этапах развития теорий модернизации. Немецкий исследователь В. Цафф рассматривает модернизацию: «1) как секулярный процесс, начатый индустриальной революцией, в ходе которого развилась небольшая группа ... модернизированных обществ; 2) как многообразный процесс, в ходе которого те, кто отстал, догоняют тех, кто пошел вперед»; 3) как попытку модернизированных государств дать ответ на новые вызовы на пути инноваций и реформ [16. С. 14].

Известный польский социолог П. Штомпка говорит минимум о трех «смыслах», которые вкладываются в понятие «модернизация» в европейской и американской социологии: 1) все прогрессивные социальные изменения; 2) современное состояние Запада как результат социальных, политических, экономических и культурных трансформаций, начавшихся с XVI в.; 3) стремление и условия отсталых и слаборазвитых сообществ «догнать» ведущие развитые страны [17. С.170-171].

Американский исследователь С. Ваго определяет модернизацию как «...процесс, с помощью которого аграрные общества трансформируются в индустриальные. Такой переход влечет развитие передовой индустриальной технологии и политических, культурных, социальных механизмов, адекватных задачам поддержки, руководства и использования данной технологии» [31. Р. 129].

Подобным образом выглядят обобщенные интерпретации понятия модернизации. Однако все разнообразие подходов к пониманию сущности модернизации, видение ее особенностей и механизмов, накопившихся в политической науке более чем за 50 лет, может быть выявлено при анализе основных этапов развития модернизационной теории. Очевидно, что становление и развитие современных модернизационных теорий имеет свою историю.

Впервые термин «модернизация» стал использоваться в 50-е гг. XX в., при этом первоначально он употреблялся для обозначения процессов индустриализации, урбанизации, секуляризации и тому подобное, имевших место в странах, которые развиваются по аналогии с западными странами. Позже в 60-е гг. XX ст. понятие модернизации стало использоваться в политическом контексте. Под политической модернизацией стали пониматься политические преобразования в западных странах и странах развивающихся.

Общей чертой первых концепций политической модернизации был универсализм в вопросе направлений политических преобразований в странах третьего мира. По отношению к этим странам модернизация была ничем иным как трансформацией домодернистских обществ в социальную организацию, характерную западным странам. Предполагалось, что развитие

всех стран должно происходить в одном направлении, иметь одни и те же стадии и закономерности и отвечать в целом западной модели развития. Опыт западной цивилизации виделся теоретиками первых концепций модернизации основой модели, в соответствии с которой модернизация рассматривалась как единый универсальный путь восхождения обществ от традиционности к современности.

В теориях модернизации основополагающими категориями стали «традиция» и «современность». Сначала, на первых этапах развития модернизационной теории данные категории рассматривались как противоположности, а сам процесс перехода от традиционного общества к современному характеризовался совокупностью черт.

Во-первых, революционностью, требующей кардинальных перемен в социальных системах. М. Леви трактовал модернизацию как «общую социальную революцию, заходящей настолько далеко, насколько это возможно без разрушения самого общества» [26. Р. 795].

Во-вторых, подчеркивалась глобальность процессов модернизации. По мнению С. Блэка, модернизация – это «процесс, из которого исторически эволюционировали институты для адаптации к быстро меняющимся функциям, отражающим беспрецедентное расширение человеческих знаний, которое позволяет осуществлять контроль над своим окружением, сопровождающим научную революцию. Этот процесс адаптации имел свои корни и первоначальное влияние в обществах Западной Европы, но в XIX-XX вв. данные изменения распространились на другие общества и воплощались в мировой трансформации, затронувшей все человеческие отношения» [20. Р. 7].

В-третьих, модернизация характеризовалась необратимостью, что предусматривало одно направление изменений для всех типов обществ. Как отмечалось выше, образцом для преобразования традиционных стран выступало западное общество. Об уникальности западного общества писал в свое время известный социолог М. Вебер. По его мнению, к атрибутам современного (западного) общества принадлежат: 1) развитое индустриальное производство; 2) рациональные формы власти и управления, формирование рациональной бюрократии; 3) развитое гражданское общество, наличие институтов, способных критиковать и контролировать политические и законодательные институты; 4) автономия индивида вследствие разрушения традиционных связей (религиозных, семейных, местных).

Точку зрения М. Вебера поддерживал не менее известный социолог Т. Парсонс. Наряду с уникальностью западной культуры, ученый отмечает, что данная культура обладает «адаптивной способностью, не знающей себе равных» [10. С. 12]. При этом эталоном общества модерна выступают для Т. Парсонса США: «Америка была благоприятной почвой

и для промышленной, и для демократической революций, а также для более плотного их соединения, чем это было возможно в Европе» [10. С. 117].

В то же время неовеберианец Р. Бендикс критикует подход т. Парсонса к пониманию модернизации. Он считал, что процесс модернизации никогда не был прямолинейным и равномерным, как это представлялось поклонникам функционализма. В каждой стране процесс модернизации имеет специфические черты, обусловленные историко-культурными особенностями региона. Одной из основных причин неравномерного развития обществ Р. Бендикс считал сохранение исторически сложившихся социальных структур, которые даже в кризисных ситуациях оказываются устойчивыми. Ученый отмечал также то обстоятельство, что масштабные социальные изменения в одной стране влияют на другие страны. Причем, каждая страна, которая стала на путь модернизации даже в новой исторической ситуации, если не копировала, то испытывала сильное влияние существующих образцов экономических и политических изменений.

Идея неоднозначности модернизационных процессов стала основой исследований второго этапа развития модернизационных теорий, который пришелся на 60-70-е гг. XX в. Основные направления критики предыдущих теорий были обобщены Ш. Эйзенштадтом. «Критика ранних подходов к модернизации была направлена прежде всего против дихотомии традиция-современность, в том числе на выявление неисторичности и западноцентричности этой модели. Другое направление критики относилось к базовым теоретическим и аналитическим предпосылками этой модели, особенно ее предпосылок «развития» как эволюционного процесса и «функционально-структурной» схемы анализа устройства общества» [22].

В частности, к темам критики ранних теорий ученый относил:

- выявление значительного многообразия традиционных обществ по степени того, насколько их традиции задерживали или же, наоборот, облегчали переход к современности;

- подчеркивание различия между традицией и традиционализмом. При этом традиционализм выступает как крайняя, негативная реакция на вторжение сил современности. Соответственно, традиция определялась как общий накопитель форм поведения и смыслов данного общества;

- «новое открытие» факта устойчивости в современных модернизирующихся обществах, обязательных форм поведения, которые идут из прошлого и ссылаются на прошлые образцы;

- признание того факта, что вслед за начальными фазами независимого развития, когда многие из новых элит ориентировались в основном на «современные», то есть западные модели, начинают вновь проявляться прежние, традиционные принципы и модели.

Таким образом, в фокусе модернизационных исследований встала проблема стабильности политического развития как основы экономического

и социального прогресса. Внимание исследователей проблематики модернизации акцентировалось на конкретных факторах политической стабильности.

В работах теоретиков модернизации т.н. «либерального» направления (Г. Алмонд, Л. Пай, Р. Даль и др.) под модернизацией понималось формирование открытой социальной и политической системы путем интенсификации социальной мобильности и интеграции населения в политическое сообщество. Показателем эффективности политической модернизации считалась высокая степень вовлеченности населения в систему политического представительства и открытость конкуренции политических элит. Динамика политической модернизации определялась балансом указанных показателей, которые в свою очередь позволяют обеспечить стабильность и порядок.

Г. Алмонд и Д. Пауэл подчеркивали, что политическая система для обеспечения стабильности должна быть способна быстро реагировать на появление новых требований. Модернизация должна получать свое отражение в изменениях сущности функционирования политической системы, заключающиеся в том, что в этой системе формируется способность к аккумуляции претензий и требований различных социальных групп и, следовательно, – способность к созданию соответствующих институтов для регулирования социальных процессов, появляются конкурирующие политические организации, которые распространяют влияние на различные сферы – политические партии, способствующие «легитимной» презентации настроений всех слоев общества; усиливается централизация правительственных функций, формируется и быстро растет рациональная политическая бюрократия; происходит мобилизация социальной периферии, активизация участия в политике путем расширения избирательных прав и развития свободной прессы, формирования оппозиционных партий и добровольных ассоциаций [18. С. 94-95, 115].

По мнению Р. Даля, автора теории полиархии, успешная политическая модернизация связана с наличием в обществе таких предпосылок как:

- высокий уровень политического участия граждан;
- развитое открытое политическое соперничество различных групп и политических лидеров.

Р. Даль отмечал, что в мире нет политических систем, которые бы полностью удовлетворяли всем требованиям демократии. Однако оценить уровень демократизации политической системы возможно исходя из двух указанных критериев.

Эффективность полиархического режима власти, нарастание его результативности в процессе модернизации Р. Даль связал с обеспечением взаимной безопасности среди конкурирующих элит, формированием сильной

исполнительной власти, созданием интегративной партийной системы, появлением и развитием центров самоуправления на местах [6. С. 16].

На роль политических элит в процессе модернизации и влияние типа политического лидерства указывал американский ученый Д. Аптер. Условно разделяя политические системы на два типа: «сакрально-коллективистские» (или мобилизационные) и «секулярно-либертарианские» (или плюралистические), он отмечает, что каждой из указанных моделей характерен определенный тип политического лидерства. Мобилизационные системы характеризуются преобладанием персонифицированного типа лидерства. В плюралистических системах имеет место диверсификация власти и лидерства, когда политические решения принимаются на основе многочисленных соглашений и компромиссов. Таким образом, согласно Аптеру, модернизация напрямую связана с периодом преобразования традиционной, мобилизационно-автократической системы в демократическую модель современного типа, функционирующего на основе дифференцированных институтов, которые в старой системе отсутствовали [19].

По мнению ряда теоретиков, эффективность политической модернизации зависит не только от определенных структурных факторов, но и от наличия в обществе необходимых ментальных установок и социально-психологических предпосылок. Согласно Д. Лернеру, «модернизация – это своего рода ментальный сдвиг, достижение особого состояния сознания, характеризующегося верой в прогресс, склонностью к экономическому росту, готовностью адаптироваться к переменам» [24. Р. VIII]. Основываясь на эмпирическом материале, ученый, проанализировав модернизацию стилей жизни пришел к выводу, что значимыми факторами модернизации выступают рост мобильности населения, распространение грамотности и средств массовой информации.

Близкую позицию занимает Дж. О'Коннел. По мнению мыслителя, сущность модернизации заключается в трансформации ментальных установок. Комбинируя концепты инновации и порядка, он определяет модернизацию как утверждение креативной рациональности. Последняя предполагает наличие трех взаимосвязанных и взаимодействующих измерений: 1) твердая убежденность в существовании зависимостей и причин, поддерживающих непрерывный, систематический, изобретательный научный поиск, аналитико-каузальную установку на творческий поиск, расширение круга знаний; 2) мультипликация инструментов и технологий, вызывается первым аспектом и одновременно поощряет его; 3) готовность принимать непрерывные изменения на индивидуальном и социальном уровнях при одновременном сохранении (способности сохранять) индивидуальной и социальной идентичности [28].

Влияние модернизации на индивидуальные установки и модели поведения установил А. Инкелес. Он исследовал ряд модернизирующихся

обществ (Индия, Пакистан, Чили, Аргентина, Израиль, Нигерия) и пришел к выводу, что существует инвариантная модель «современного человека», которая не зависит от национальных границ. К характерным чертам современного человека, по мнению Инкелеса, можно отнести: 1) открытость по отношению к экспериментированию, современный человек готов заниматься новыми видами деятельности или изобретать новые технологии производства; 2) расширение независимости от авторитетов, современный человек не контролируется родителями, племенными вождями или государствами; 3) вера в науку, современный человек верит, что люди могут завоевать (овладеть) природой; 4) ориентация на мобильность, современный человек очень амбициозен, он стремится подниматься по профессиональной лестнице; 5) использование долгосрочного планирования, современный человек всегда планировал свою жизнь на много вперед и знает, что он должен завершить в следующие пять лет; 6) активность в сфере публичной политической жизни, современный человек по собственному желанию выбирает ассоциации и принимает участие в жизни местной общины [23].

Все указанные характеристики современного человека по сути совпадают с чертами носителей западной культуры. Подобная точка зрения отражена в работах отечественного исследователя В. Рукавишникова. Исследователь отмечает, что «для теоретиков модернизации современный человек – это не кто иной как представитель западной культуры – независимо мыслящий, и социально, и политически активная индивидуальность, которая самостоятельно преуспевает в жизни (самоучка) и признает право других действовать подобным же образом, соперничая с ними за место на вершине дохода и власти» [12. С. 35].

В рамках второго этапа развития теорий модернизации наряду с «либеральным» направлением выделяется совокупность исследований, которые обычно объединяют в консервативное направление. Теоретики этого направления преимущественно используют институциональный подход для объяснения факторов модернизации. По их мнению, политические институты являются приоритетными в преобразовании режимов и решении задач политической модернизации.

Представители «консервативного» направления, в частности С. Хантингтон и Х. Линц считали, что главной проблемой модернизации является конфликт между мобилизованностью населения, его включенностью в политическую жизнь и институционализацией, наличием необходимых структур и механизмов для артикулирования и агрегирования их интересов. В то же время неподготовленность масс к управлению, неумение использовать институты власти, а, следовательно, и неосуществимость их ожиданий от включения в политику способствуют дестабилизации политического режима.

С. Хантингтон обобщает и говорит о прямой зависимости между темпами всех связанных с модернизацией изменений и нестабильностью: «уровень нестабильности зависит от темпов модернизации. ... Чем выше темпы изменений в направлении современности, тем выше уровень нестабильности в статике и в динамике» [15. С. 63].

Согласно концепции С. Хантингтона, социальный механизм и динамика политической модернизации выглядят следующим образом. Стимулом для начала модернизации служит определенная совокупность внутренних и внешних факторов, побуждающих правящую элиту приступить к реформам. Преобразования могут затрагивать экономические и социальные институты, но не касаться традиционной политической системы. Итак, допускается принципиальная возможность осуществления социально-экономической модернизации «сверху», в рамках старых политических институтов и под руководством традиционной элиты. Однако для того, чтобы «транзит» завершился успешно, необходимо соблюсти целый ряд условий и, прежде всего, обеспечить равновесие между изменениями в различных сферах жизни общества. Определяющим условием является готовность правящей элиты проводить не только технико-экономическую, но и политическую модернизацию.

Для С. Хантингтона важнейшим дестабилизатором в период модернизации выступает «социальная мобилизация»: «Социальная мобилизация имеет больший дестабилизационный эффект, чем экономическое развитие. Разрыв между этими двумя формами изменения может служить своего рода измерителем влияния модернизации на политическую стабильность» [15. С. 70].

В работах исследователей консервативного направления нашли обоснование идеи альтернативных вариантов модернизации. Эти варианты призваны смягчить дестабилизацию политической системы, возникающей в ходе модернизации. Х. Линц решение данной проблемы связывал с прогрессивным авторитаризмом как ступенью перехода к демократии. Он считал, что авторитарные режимы могут осуществлять частичную либерализацию, связанную с определенным перераспределением власти в пользу оппозиции.

О возможности модернизации в условиях, когда отсутствует демократический режим, писал Б. Мур. «Опыт семи декад XX века подтвержден, — отмечает исследователь, — недемократические, а нередко антидемократические способы модернизации вполне успешно навязываются для решения государственных задач в ряде стран» [27. Р. 65].

Правда, большинство западных ученых рассматривали авторитаризм как временное явление. В качестве основной цели модернизации виделась демократизация политической системы. В этом отношении представляют интерес критерии завершения модернизации (демократического перехода).

Значительно позже они были определены Х. Линцем и А. Степаном. С точки зрения этих двух, «демократический переход завершился в том случае: когда достигнуто определенное понимание по поводу политических процедур смены правительства, когда его приход к власти является результатом свободного голосования народа, когда *de facto* правительство получает рычаги власти для разработки новой стратегии, и когда *de jure* созданы новой демократией исполнительная, законодательная и судебная власть не должны передавать другим органам свои функции» [25. Р. 3].

Другой американский ученый Д. Растоу [11] выделяет следующие критерии успешной модернизации: 1) национальная единство; 2) стабильная власть; 3) равенство. Наиболее приемлемыми вариантами модернизационных преобразований теоретик считает модели 2-1-3 или 2-3. Все успешные модернизации проходили по одному из двух сценариев. Согласно Д. Растоу, достижению равенства должны предшествовать национальное единение и устойчивость власти, поскольку ввиду отсутствия какого-либо из них велика вероятность распада политического режима и последующей анархии.

Третий этап развития теорий модернизации пришелся на 80-90-е гг. XX в. В основе работ этого периода лежала идея несостоятельности строгого противопоставления традиции и современности. Большинство ученых признавалось существование различных форм модернизации, в том числе «застревание» некоторых обществ на стадии «частичной» модернизации. Данный подход подразумевал существование ответвлений на пути от традиционности к современности, что, в свою очередь, ознаменовало переход от линейного видения процесса модернизации к парциальной модели, а впоследствии и к парадигме многолинейной модернизационной динамики. Одним из наиболее известных теоретиков парциальной модели модернизации считается Д. Рюшмейер. «Во многих обществах – писал он, – модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры. Часто такие социальные несоответствия представляют собой временное явление, что сопровождается ускоренными социальными изменениями. Но нередко они закрепляются и сохраняются в течение поколений» [29. Р. 757]. Формально под частичной модернизацией понимают такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур.

Во второй половине 80-х годов XX в. получает свое развитие концепция «модернизации в обход модернити», предполагающей политическое развитие, основанное на сохранении социокультурных традиций без навязывания чужих (западных) образцов. Одним из наиболее известных теоретиков данной концепции является А. Турен. Этот французский ученый ввел такие понятия как «контрмодернизация», «антимодернизация». Под первым

термином имеется ввиду альтернативный вариант модернизации западного образца, под вторым-активное противодействие этому процессу. По мнению А. Турена, эти два варианта и составляют главную тенденцию общественно-политического развития XX века, основанную на утрате веры в принцип универсальности.

Как отметил А. Турен, реальный ход модернизации в последнее время опроверг либерально-рационалистический универсализм, считавший, что модернизация продвигается самим «Разумом», наукой, технологией, путем развития системы образования. Но на смену приходит не партикуляризм – «вера в особый путь» для каждой страны, а синтез универсализма и партикуляризма. Поиски такого синтеза становятся главной проблемой стратегии развития многих стран, поскольку нарушение равновесия между современностью и традиционностью ведет к неудаче преобразований и острых социальных конфликтов. По мнению Турена, судьба мира зависит от того, будет ли наведен мост между Разумом и культурами, современностью и национально-культурной идентичностью народов, между развитием как универсальной целью и культурой как ценностным выбором, экономическим развитием и социальными преобразованиями.

Теоретики модернизации последней четверти XX в. наряду с понятием «модернизации» широко используют термин «постмодернизация». В частности, Р. Инглхарт приводит перечень специфических характеристик данного процесса: постмодернизация предусматривает отказ от акцента на экономической эффективности, бюрократизации структур власти и научном рационализме, которые были характерны для модернизации, и знаменует переход к более гуманному обществу, к самостоятельности, многообразию, а особенно широкое пространство предусмотрено для самовыражения личности [5. С. 269].

Не совпадает с приведенным подходом позиция известного британского ученого Э. Гидденса. Обосновывая теорию позднего модерна, Гидденс полемизировал с теми, кто считал, что современное общество является постмодернистским. По его мнению, современная эпоха с радикализированным или универсализированным модерном, преемником которого может стать постмодерн, который будет чем-то отличным от того, как его представляли до Гидденса.

Для измерения модерна Э. Гидденс предложил использовать четыре институциональные оси: капиталистическое производство, индустриализм, концентрацию административной власти и контроль над средствами вооруженного насилия. Теоретик считает, что капиталистическое производство, связанное с индустриализацией, обеспечивает наивысшую степень экономической эффективности. Национальное государство концентрирует административную власть и контролирует средства вооруженного насилия значительно эффективнее, чем предыдущие типы государства.

В результате этого происходит распространение капиталистической экономики и системы национальных государств по всему миру. В этом отношении процесс глобализации представляется Гидденсу как повсеместное распространение тех социальных институтов модерна, которые изначально сложились в западных обществах. В связи с этим отмечалось, что общество модерна «характеризуется Гидденсом с помощью универсального набора черт, исключающего множественность и своеобразие региональных» проектов модерна [14. С. 71].

Иную позицию занимает П. Бергер, который говорит о множественности форм модерна в русле глобализации и существования «альтернативных глобализаций». Под последними он подразумевает глобальные культурные движения, которые возникают за пределами Запада и совершают на него все более сильное влияние. По мнению Бергера, альтернативные глобализации предполагают существование «альтернативных моделей современности (modernities)» [2. С. 20].

Теории модернизации получили дополнительный импульс развития после распада мировой системы социализма. В ходе переосмысления итогов социалистического развития отдельные теоретики модернизации пришли к выводу, что в странах, принадлежавших к социалистической системе, так и не сложились многие элементы современности. Проведенные в данных странах индустриализация и другие преобразования в экономической и социальной сферах не привели к значительным модернизационным успехам. По мнению П. Штомпки, в социалистических странах имела место «ложная современность», характеризующаяся дисгармоничным соединением трех элементов:

- 1) современных черт в отдельных сферах общественной жизни;
- 2) традиционных, домодернистских характеристик во многих других областях;
- 3) всего того, что одевали в изысканную одежду, призванную имитировать современную западную действительность [17. С. 180].

Наряду с П. Штомпкой значительный вклад в развитие модернизационных теории в 80-90-е гг. внес американский социолог Е. Тирякян. Исследователем были переосмыслены теоретические основы модернизационного процесса. Е. Тирякян [30. Р. 78-96] суммирует представление о процессах модернизации следующим образом:

- 1) модернизация – результат действий индивидов и коллективов – не есть продукт автоматического развития системы;
- 2) достижение модернизационных целей зависит от наличия ресурсов;
- 3) модернизация – не консенсусный процесс, конкуренция между модернистами, консерваторами и наблюдателями;
- 4) наука – главная движущая сила, но религия и традиции не должны недооцениваться;

5) общий критерий модернизации – развитие благосостояния всего населения;

6) центры модернизации могут меняться и сдвигаться;

7) модернизация – нелинейный процесс, она включает в себя циклы и кризисы.

Как видим, в работах неомодернистов была актуализирована проблематика модернизационных кризисов. Следует отметить, что указание Е. Тирякяна на возможность кризисов в ходе модернизационных процессов не является первым упоминанием о них в контексте модернизации. Ранее в 1970-е гг. пять типов кризисов были описаны представителями либерального направления в изучении модернизации. В частности, Л. Биндер, Л. Пай и др. [29] выделили следующие типы модернизационных кризисов:

1) идентичности, определяющей степень и характер развития политической культуры личности;

2) легитимности, характеризующейся степенью и мотивами публичной поддержки существующих методов политического управления;

3) участия, которая показывает степень преобразования политически пассивного населения в активное благодаря его участию в выборах, в деятельности массовых партий, общественных движений и т.д.;

4) дистрибуции, отражающей степень равенства в общественном распределении различных возможностей и благ;

5) проникновения – степень эффективности государственного управления, способности государства регулировать конфликты.

Наличие или отсутствие указанных кризисов выступает критерием модернизированности политической системы. Очевидно, что применение этих критериев в анализе кризисов современных политических систем хоть и остается актуальным, однако сами критерии нуждаются в некоторой корректировке. Кроме этого, данные критерии оценки модернизированности политической системы не являются универсальными для всех типов обществ, они позволяют оценивать только те страны, в которых осуществляется демократическая модернизация.

Для уточнения критериев модернизированности политических систем и характеристик модернизационных кризисов в условиях современного политического развития необходимо проанализировать теоретические разработки ученых постсоветского пространства. В частности, видится важным вопрос о факторах эффективной модернизации и типах модернизации.

Следует отметить, что процесс политической модернизации не ограничивается только лишь политической системой, он распространяется и на другие сферы общества. Следовательно, эффективная политическая модернизация вносит изменения не только в политические институты, но и в социально-экономическую среду. Однако, далеко не всегда модернизационные усилия приводят к ожидаемому эффекту. В ряде случаев,

особенно в условиях политической практики постсоветского пространства, модернизация не приводит к улучшению функционирования политических институтов. Это утверждение справедливо и в отношении модернизационных процессов в постсоциалистических странах.

Как отмечает Е.В. Лисеенко практика социально-политических преобразований на Украине показала, что либеральная модель политической модернизации (по сути, вестернизация), которой придерживались некоторые украинские реформаторы в начале 90-х годов XX века, во многом себя исчерпала. Ошибочность этой модели заключалась в том, что она исходила из априорного посыла: рыночные отношения определяют демократию. На самом деле, рынок не должен определять политическую систему и такие институты демократии, как многопартийность, свобода слова, политическое участие и другие. Напротив, процессы экономической модернизации, как показывает опыт, во многом определяются успехами демократизации общества [9. С. 116].

Анализируя модернизационные процессы на Украине и в Польше украинская исследовательница Г. Зеленько пришла к выводу, что на Украине не было «объективных и субъективных предпосылок для динамической модернизации политической сферы. Однако, как свидетельствует польский опыт, на современном этапе процессы политической модернизации на Украине тормозятся из-за отсутствия базового консенсуса основных политических сил относительно экономической стратегии развития государства, внешнеполитических приоритетов» [4. С. 17].

Как считает российская исследовательница И. Бусыгина, успех политической модернизации возможен только в долгосрочном плане. Если государство сделает выбор в пользу политических реформ, положительный эффект для экономической модернизации возникнет только после длительного периода повышенных рисков и расходов, который станет не периодом ожидания, а периодом ухудшения. Такие периоды характеризуются ростом коррупции и преступности, ослаблением защиты прав собственности, появлением угрозы территориальной целостности страны.

Ранее подобная точка зрения высказывалась зарубежным ученым В. Бансом. В частности, он отмечал возможность дестабилизации политической системы на отдельных этапах политической модернизации. Рассматривая процедуру перехода от государственного социализма к либеральной демократии, В. Банс утверждал, что транзит осуществляется через переходный период, или «хаос», которому свойственна неопределенность, как результатов, так и процедур. В этот период система становится более консервативной, чем раньше, а результаты еще более неопределенными, к тому же результат самого процесса реформ есть непредсказуемым. Выработка четких процедур приносится в жертву стремлению быстро получить ощутимые результаты. Переходный период отличается двойной

неопределенностью, а, следовательно, и большой нестабильностью [1. С. 45].

И. Бусыгина указал, что для периода рисков и затрат имеют значение такие факторы, как возраст демократии и качество управления (при проведении политических реформ частичные и молодые демократии страдают от коррупции даже больше, чем авторитарные режимы, богатство и бедность (при низком уровне жизни и благосостояния населения коррупция ниже в тех странах, где демократии меньше), насколько проведенные реформы удачные или неудачные др. [3].

Другой отечественный исследователь С. А. Ланцов указывает ряд причин, которые, по его мнению, способны препятствовать процессу политической модернизации. «Первая – отставание от изменений в других сферах жизни общества. Подобный разрыв способен стать причиной революционного кризиса. Другая причина заключается в том, что к быстро протекающей демократизации может оказаться не подготовленным уровень развития гражданского общества и политической культуры социума. В таком случае также велика вероятность возникновения кризисной ситуации, чреватой хаосом, ведущим к охлократии» [7. С. 93].

На роли политической культуры в процессах политической модернизации акцентирует внимание украинская исследовательница Л. Старецкая. По ее мнению, ключевыми элементами процесса модернизации является создание социальных предпосылок для возникновения у людей современных психологических установок и ориентаций, связанных с такими характерными личностными чертами, как участие в политической и общественной жизни, осведомленность, осознание своей общественной роли. Особая роль в формировании современного «психологического комплекса», присущего людям развитых постиндустриальных обществ, играют современные профессии, связанные с новыми отраслями производства, которые возникают в процессе экономической модернизации. Основная система ценностей развития, которая основывается на установках достижения успеха и массового потребления, характерных для индустриальных обществ при условии доминирования в мотивациях людей и должна привести к успешной модернизации общества [13].

Влияние внешних факторов на процесс политической модернизации отмечают российские исследователи В. В. Лапкин и В. И. Пантин. Они считают, что успешной модернизации способствуют два фактора: внутренняя готовность модернизирующегося общества к глубоким политическим реформам, которые ограничивают власть бюрократии и устанавливают адекватные «правила игры» для основных политических акторов, желание и способность наиболее развитых стран мира оказать этому сообществу эффективную экономическую и политическую помощь, смягчив тяжесть проведенных реформ [8. С. 44].

Очевидно, что влияние второго фактора наиболее актуально для политических систем, осуществляющих не органическую, а «догоняющую» модернизацию. Подобное разграничение типов модернизации было предложено одним из ранних теоретиков модернизации М. Леви. Под органической модернизацией ученый понимал перманентное осовременивание политических институтов, стимулируемое общепринятыми ценностями индивидуальной и политической свободы, роста рационального знания и уровня жизни. Догоняющая политическая модернизация – это спорадическое заимствование и адаптация политических институтов, сформированных в ходе органической политической модернизации.

Основной характеристикой неорганической модернизации является исток не с культуры, а из экономики и политики. В отличие от органической модернизации, происходящей «снизу», неорганическая проводится «сверху». Считается, что органическая модернизация была характерна таким странам как США, Канада, Великобритания и ряду других европейских стран. Эти политические системы представляют собой «модернизационное ядро», развивавшееся эволюционным путем на основе собственных культурных традиций и образцов.

Фактором неорганической модернизации выступают социокультурные взаимодействия «отсталых» стран с модернизационным ядром. По сути дела, неорганическая модернизация осуществляется путем заимствования чужой технологии, использованной в аналогичных процессах более развитыми странами. Это означает, что в основу механизма модернизации положены имитационные процессы.

Нам представляется возможным выделить два типа имитаций:

- имитация алгоритма, когда копируется механизм какого-либо процесса, включая его содержание или функциональную нагрузку (например, процесса взаимодействия трех ветвей власти);

- имитация результата или формы, другими словами, «симуляция» (у Бодрийера – «симулякр») (например, провозглашение свободных выборов и соревнований по их мобилизационно-принудительному и непостижимому характеру или созданию трех ветвей власти без реализации принципа разделения властей).

В этом отношении можно обозначить еще один критерий классификации типов модернизации – степень заимствования модернизационной технологии. Согласно данной типологии, можно отметить три типа модернизации:

- эндогенная, то есть осуществляемая на собственной основе (Европа, США);

- эндогенно-экзогенная, осуществляемая на собственной основе, равно как и на основе заимствований (Россия, Турция, Греция);

– экзогенная модернизация (имитационные, имитационно-симуляционные и симуляционные варианты), осуществляемая на основе заимствований при отсутствии собственных оснований (Украина, Грузия, Албания).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. 1993. № 1.
2. Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.
3. Бусыгина И. Существующее государство неспособно осуществить экономическую модернизацию / И. Бусыгина, М. Филиппов, С. Рыженков, Н. Зубаревич, Н. Петров // blogs.trust.ua/economics/2011/02/21/686/Sushestvuushee-gosudarstvo-nesposobno-osushestvit-ekonomicheskuyu-modernizaciu/.
4. Зеленько Г.І. Україна і Польща: моделі політичної модернізації: автореф. дис... канд. політ. наук / спец.: 23.00.02 – політичні інститути та процеси / Г.І. Зеленько; НАН України. Ін-т політ. і етнонац. дослідж. К., 2001.
5. Инглхарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
6. Купряшин Г.Л. Политическая модернизация. М.: Общество «Знание» РСФСР, 1991.
7. Ланцов С.А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // Полис. 2001. № 3.
8. Лапкин В.В. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России / В.В. Лапкин, В.И. Пантин // Полис. 2005. № 3.
9. Лисеенко Е.В. Особенности процесса политической модернизации в современной Украине // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. 2009. Випуск 15.
10. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
11. Растои Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5.
12. Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социс. 1995. № 1.
13. Старецька Л. Теорії політичної модернізації: ліберально- демократичні концепції в сучасному контексті // Незалежний культурологічний часопис «І». 2000. № 19 // <http://www.ji.lviv.ua/n19texts/starecka.htm>.
14. Фурс В.Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социологический журнал. 2001. № 1.
15. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

16. Цанф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8.
17. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
18. Almond G.A., Powell J.B.Gr. Comparative politics: a developmental approach. Boston: Little, Brown Z. co., 1966.
19. Apter D. Politics of Modernization. Chicago, 1965.
20. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.
21. Binder L., Pye L. et al. Crises and Sequences in Political Development. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971.
22. Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. N.Y., 1966.
23. Inkeles A. Making Men Modern: On the Causes and Consequences of Individual Change in Six Developing Countries // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973.
24. Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York, London, 1965.
25. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore-London, 1996.
26. Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966.
27. Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1993.
28. O'Connell J. The Concept of Modernization // Comparative Modernization: A Reader Ed. by C.E. Black. New York, London, 1976.
29. Rueschmeyer D. Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons / Ed. by J.C. Loubser et al. N.Y., 1976. Vol. 2.
30. Tiryakian E. Dialectics of modernity: reenchantment and differentiation as process. 1992.
31. Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989.

D.A. CHEMSHIT
*Candidate of political sciences,
Docent of the Department of Theory and History of State and Law
of the Law Institute of the Federal State Educational Institution,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia*

POLITICAL MODERNIZATION AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH

The article reveals the main scientific approaches to understanding the processes of political modernization. Based on the analysis of approaches, the stages of the evolution of modernization theories are established. Particular importance is attached to the typology of modernization processes. In the generally accepted academic terms, political modernization is characterized either as original – organic, or as catch up – inorganic. Three types of political modernization are considered in the refined author's style: endogenous, that is, carried out on its own basis; endogenous–exogenous, proceeding in the form of a combination of its own experience and external borrowing; exogenous – carried out on the basis of borrowing in the absence of its own basis.

Key words: *political modernization, organic modernization, inorganic modernization, endogenous modernization, endogenous-exogenous modernization, exogenous modernization.*